

ЛЮДИ БУДУЩЕГО

Марина Ганзенко

все показатели 0%

78%

64%

82%

98%

56%

73%

76%

Марина Ганзенко

Люди будущего

«Автор»

2023

Ганзенко М.

Люди будущего / М. Ганзенко — «Автор», 2023

Люди будущего очень разные. Одни бороздят космические просторы, чтобы вступить в контакт с инопланетянами, другие погружаются в морскую пучину в поисках глубоководного монстра, третьи обладают сверхспособностями, которые мешают им жить нормально. А кто-то просто нуждается в воздухе так сильно, что готов убивать. Но всех героев объединяет одно: они стремятся найти внутреннюю гармонию в мире, где технологии создают новые условия для жизни. Перед вами сборник рассказов, который понравится поклонникам социальной фантастики и тем, кто любит прозу с нотками философии и психологизма.

© Ганзенко М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глубина	5
Гармония	15
Белоснежка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Марина Ганзенко

Люди будущего

Глубина

Ли́ка взялась за дверную ручку, глубоко вдохнула и выдохнула, чтобы успокоиться, и распахнула дверь. Она сделала это, применив чересчур большое усилие, так что практически кубарем влетела внутрь и оказалась в просторном аскетичном кабинете, где уже сидело четверо мужчин. Один из них, седовласый и представительный, по внешности которого было похоже, что видал он в жизни многое, заговорил первым:

– Я – капитан подлодки, Геннадий Петрович. А вы, я так понимаю, Анжелика? Биолог? Правильно?

– Предпочитаю Ли́ка. А как вы догадались, как меня зовут? – протянула девушка, немного смущённая своим неуклюжим появлением.

– Применил дедуктивный метод. Я знаю, что на борту «Ярины» будет только одна женщина. Следовательно, это вы, – бесстрастным голосом пробасил капитан.

Короткостриженный грузный брюнет, который сидел по правую руку от Геннадия Петровича, добродушно рассмеялся, несколько раз хлопнул капитана по плечу своей большой ручищей и бросил:

– Классная шутка! Я Виталик, старпом. Но друзья зовут меня Витязь.

Ли́ка внимательно посмотрела на Витязя. Он и правда был огромен и могуч, словно Илья Муромец. И как он умудрялся служить на подлодке, где каждый сантиметр свободного пространства в дефиците?

– А эти двое из Федеральной службы безопасности.

– Сергей, – коротко представился лысый тип с хитрым взглядом.

– Арлтан Белугин, – сухо бросил второй, во внешности которого присутствовали азиатские черты.

– Можешь расслабиться, пока мы ждём главного, – сказал капитан.

Ли́ка кивнула и заняла свободный стул. На мгновение она сомкнула веки. Шум моря заставил её истерзанный переживаниями о грядущей миссии мозг немного успокоиться. Ли́ка открыла глаза и подошла к окну. Синие холодные воды безжалостно били о корпус пришвартованной подводной лодки. Невероятно, что скоро Ли́ка окажется на её борту. Возможность исследовать Охотское море была для неё необычайно ценной, ведь её специализация – обитатели океана, в особенности глубоководные. А если фотографии, полученные со спутника, соответствуют действительности, Ли́ка сможет поучаствовать в открытии самого невероятного вида на планете.

Внезапно мысли Ли́ки вернулись из морской пучины на бrenную землю:

– А зачем в нашей исследовательской команде представители ФСБ? При всём моём уважении нас ждёт длительная научная миссия.

Сергей ухмыльнулся и процедил:

– Анжелика, вы действительно полагаете, что правительство оставило бы без внимания пятидесятиметровое морское существо?

Ли́ка закусила губу и приготовилась защищаться. Ей тридцать, она доктор наук и давно уже не девчонка, которая не может постоять за себя. Она не позволит так разговаривать.

Неожиданно Витязь расхохотался.

– Эй, ребята, я только сейчас понял, – объяснил он, когда раскаты его смеха стихли, – один из вас Сергей, то есть Серый, а другой – Белугин – Белый. Прямо два весёлых гуся.

Все присутствующие рассмеялись. Лика с благодарностью посмотрела на Витязя. Этот парень умел разрядить обстановку.

– Теперь осталось дожидаться руководителя экспедиции – профессора Одинцова. Не люблю непунктуальных людей, – резко сказал капитан.

Лика почувствовала, как начинает задыхаться. Она осаживалась всё ниже и ниже, пока её не подхватил Витязь.

– Что с вами, барышня? – сухо спросил Геннадий Петрович.

– Я не знала, что руководить исследованием будет Одинцов. Когда я подписывала бумаги, мне назвали другую фамилию, – залепетала Лика.

– А в чём проблема? – вмешался Белугин. – Профессора Одинцова сейчас знают даже те, кто наукой совсем не интересуется. Этот его биологический скафандр на основе генома морских тварей – просто нечто!

– Он был моим преподавателем. А скафандр, о котором вы говорите, был создан на основе ДНК тихоходок, или *Tardigrada*. Исследованием тихоходок в годы учёбы в университете занималась я. Этот подонок украл мою работу и получил Нобелевскую премию, – процедила Лика.

– Вот это история, – пробасил Витязь, присвистнув. – Кому-то лавры и почёт, а кому-то зеро.

– Лавры и почёт – это по моей части, – с достоинством произнёс Одинцов, впорхнув в кабинет, словно сойка. – Называйте меня просто... Роман Алексеевич. Я возглавлю эту миссию. Представляться никому не нужно. Я с вашими личными делами ознакомился перед встречей.

– И с моим делом ознакомились? – процедила Лика.

Она так сильно нервничала в присутствии этого неприятного ей человека, которого когда-то нежно называла Ромой и целовала в его тронутый морщинами лоб.

– В первую очередь ознакомился, Анжелика! – парировал Одинцов хорошо поставленным голосом. – Как вы знаете, я сейчас занимаюсь проектом «Первая планета от Солнца» по высадке космонавтов на Меркурий. Мне в команде пригодятся толковые биологи. Всё, конечно, будет зависеть от успеха нашей текущей работы.

Лика плотно сжала зубы. Может, Одинцов хочет помириться? Может, он скучает? Может быть, его мучает совесть? Но Нобель, чёрт возьми! Нобелевская премия на основе её исследований. Такое не прощают.

– Друзья, сегодня мы отправимся в интереснейшую экспедицию. Мы будем искать в Охотском море огромное неизвестное науке создание, очевидно, являющееся родственником гренландского кита. Нет, это, конечно, не так интересно, как разработка биологических скафандров, способных выдерживать температуру в четырёхста пятьдесят градусов Цельсия, но всё же, когда мне предложили открыть новый вид, найти этого кита... Назовём его, пожалуй, *Megaptera*...

– С чего ты взял, что это кит? То есть вы взяли, Роман Алексеевич... – перебила Одинцова Лика. – Кит не остался бы незамеченным так долго. Тебе, конечно же, известно, киты поднимаются на поверхность, чтобы дышать. Как такому гигантскому созданию удавалось избегать внимания? И вообще, *Megaptera* – латинское название горбатых китов.

– Когда вы подавали заявку на этот проект, Анжелика, я внимательно ознакомился с вашей теорией о том, что это может быть глубоководная донная тварь. Таким образом, легко объяснить, почему мы не столкнулись с ней раньше. Но полагать, что мы имеем дело с плащеносной акулой пятидесятиметровой длины, в то время как максимальный размер особей этого вида составляет два метра... это безумие, и всё же очертания существа на фото действительно похожи. Именно поэтому если поиск в верхних слоях не даст результата, мы уйдём на глубину. Поищем на дне, так сказать. Это будет запасной вариант.

Одинцов театрально развёл руками.

– Думаю, на сегодня хватит споров, господа учёные, – вмешался капитан. – Завтра жду всех присутствующих на пристани возле подлодки. И чтобы все личные вещи помещались в рюкзак. Места внутри не так много. Это вам не «Акула» длиной сто семьдесят метров... Хотя моя «Ярина» фору любой другой подлодке даст. На такие глубины ни «Акула», ни даже «Комсомолец» погрузиться не способны. А ещё в корпусе «Ярины» есть иллюминаторы. Ну какая другая подлодка может этим похвастаться?

Вторая неделя экспедиции подходила к концу. Лика сидела в кают-компании, жевала тушёнку и косилась на Одинцова. Постарел за эти десять лет, обрюзг, но всё ещё привлекателен. Умён. Этого у него не отнять. Хоть и украл её идеи, довёл их до совершенства. Но почему он водит подлодку кругами в верхнем слое, отчаянно пытаюсь найти кита? Это бессмысленно. Пора погружаться на дно.

Одинцов покончил с обедом, элегантно вытер уголок рта платочком, который достал из кармана, и вышел.

– Он был твоим любовником, Лик? – неожиданно спросил капитан.

Анжелика округлила глаза от бестактного вопроса. Да как можно спрашивать такое у девушки?! Но на лице Геннадия Петровича застыло сочувствие, и Лика ответила:

– Да.

– Ты хоть совершеннолетней была?

Лика покосилась на Серого, который шастал по коридору туда-сюда. Не хотелось, чтобы «пара гусей» обсуждала её личную жизнь.

– Он не слышит, – успокоил Геннадий Петрович.

– Зачем вы спрашиваете? – поинтересовалась Лика.

– Хочу составить своё мнение о руководителе миссии.

– И что вы пока о нём думаете?

– Думаю, он скорее шоумен, чем учёный. Если он погонит «Ярину» на третий круг без смены траектории, я всё ему выскажу. Представляю, что у тебя в глубине души творится.

Лика нервно зажала пальцами свою бровь.

– Я поговорю с ним. Нужно уходить на глубину. Тем более «Ярина» на такое способна... И я была совершеннолетней. Роман не так ужасен, как вы думаете.

Лика прошла по узкому коридору, с трудом разминувшись с Сергеем.

– Что вы тут ходите взад-вперёд уже целую вечность? – спросила она с ноткой раздражения.

– Схожу с ума от замкнутого пространства. Хочешь сойти с ума вместе со мной? – огрызнулся фээсбэшник, ударив кулаком о металлическую переборку.

– Мне есть с кем сходить с ума, – съязвила Лика.

Сергей присвистнул.

– А вообще-то не похоже, что у тебя имеется парень. Кажется, ты якшаешься только с теми, у кого жабры.

Лика сжала кулаки. Ничто не обижает сильнее, чем правда.

– Дуй уже к себе, – выкрикнул Арлтан из своей каюты. – Хватит клеиться к биологичке.

– К кому хочу, к тому и клеюсь. Нечего за мной следить своими узкими глазёнками, – окрысился Сергей.

– Да, моя мать калмычка. И что? Низко называть меня узкоглазым.

Лика, пока они препирались, тихонько удалилась. Ну точно: один серый, другой белый!

Девушка подошла к каюте Одинцова и слегка коснулась рукой двери, приоткрыв её. Одинцов сидел на койке, согнувшись в три погибели, и сжимал руками голову.

– Я должна была постучаться, прости... простите, – залепетала Лика.

Роман жестом пригласил её войти.

– Эта экспедиция – полная лажа! – сказал он, глядя в сторону. – Мы никогда не найдём чёртова кита-переростка. Если через неделю не будет результата, я сворачиваю поиски.

– Время переходить к плану Б. Нужно искать на дне. «Ярина» способна погружаться до двух тысяч метров. Мы сможем обследовать всё морское дно внутри квадрата, который мы наметили для поиска.

Лике безумно хотелось коснуться своего бывшего преподавателя кончиками пальцев. Вот он перед ней: такой же задумчивый, немного грустный и всё ещё женатый, несмотря на заверения, поросшие мхом, о том, что вот-вот разведётся.

Одинцов подскочил с кровати и быстрым шагом направился в центральную рубку.

– Геннадий Петрович, идём на глубину. Пора поискать монстра на дне.

Тридцать шестой день миссии закончился. Лика «нырнула» в сон, как только её голова коснулась подушки. Ей снился Одинцов. Боже, как будто в жизни его недостаточно. Роман тихо шептал ей, что тихходки – замечательная тема для исследования, а потом перебирал пальцами прядки её густых тёмных волос.

– Ром, расскажи мне что-нибудь вдохновляющее, – услышала во сне собственный голос Лика.

– Большой фрегат может пересечь весь Тихий океан без посадки.

Лика хмыкнула.

– Это ерунда. Нашёл, чем удивить. Шестидесять дней. Чёрный стриж может не садиться на поверхность десять месяцев.

– С тобой невозможно вести диалог, заучка.

– А с тобой...

Лика оказалась совсем одна под толщей воды. Одинцова рядом не было. Только тысячи кубометров холодного моря. Свет практически не проникал на такую экстремальную глубину. Никого рядом. И не только сейчас. А постоянно. Ни на её дни рождения, ни на другие праздники.

Даже когда они с Романом были вместе, Лика каждый вечер оставалась совсем одна, ведь Одинцов спешил к жене – «психичке, которую уже не мог выносить». И всё же ровно в семь он начинал спешно собираться. Лика никак не могла понять в то время, зачем быть с женщиной, которую не любишь. Только сейчас, с высоты своих лет, стало ясно: раз не бросал, значит, не хотел бросать.

А семья? Мать Лики умерла два года назад. С отцом Лика не общалась с самого детства. У него давно была другая жизнь и другая дочь (по всей видимости более любимая). А что касается друзей: чем больше Лика увлекалась своей работой, тем меньше школьные и университетские подруги хотели поддерживать с ней отношения. В мире, населённом миллиардами людей, Лике не с кем было поделиться радостями и горестями.

Вдруг воды начали качать девушку из стороны в сторону. Стоп. Это был уже не сон. Кто-то тряс Лику за плечо.

Она открыла глаза. Перед ней был Витязь.

Лика провела по щекам рукой, незаметно утерев предательские слёзы.

– Эй, Лик. Мы нашли ЭТО.

Анжелика подскочила с койки так быстро, будто на кровати разлилась река раскалённой магмы.

– Геннадий Петрович освещает чудовище прожекторами. Монстр не шевелится. Беги быстрее в рубку.

– Никаких прожекторов! – почти закричала Лика.

– Я тут при чём? Петровичу говори, – обиженно протянул Витязь.

Лика прямо в пижаме ворвалась в рубку. Около иллюминаторов, зачарованные открывшимся зрелищем, стояли капитан и научный руководитель миссии.

Лика сделала пару шагов и уставилась в пучину. Рассеянный свет открывал взору очертания чудовища. Это была огромная, невероятная, пугающе прекрасная плащеносная акула. Она мирно лежала на дне и не шевелилась. Её широкая приплюснутая морда, обращённая к подводной лодке, была оснащена многоуровневым частокором острых, как лезвия, зубов. А по бокам морды было по шесть жаберных щелей. Такого водного монстра не могло существовать по всем законам природы. Но он был перед ними. Глаза не вращали.

– Я не могу в это поверить, – тихо проронил Одинцов.

Он тоже был в пижамных штанах и с заспанным лицом. Только вот глаза его не опухли от слёз. А с чего ему было плакать? У него в жизни всё прекрасно. Прямо сейчас он совершил очередное открытие, которое поможет ему и без того блистательной карьере пойти в гору со скоростью ракеты.

– Это акула, Ром. Я была права, – отозвалась Лика.

Роман Алексеевич кивнул.

– Пока оно спит, нужно исследовать его. На борту пять специальных биоскафандров. Они легко выдержат экстремальные условия. Моя разработка.

Лика хотела было сказать что-нибудь токсичное, но промолчала. В такой момент, когда все фундаментальные научные истины переворачивались на глазах при взгляде на приплюснутую башку глубоководного обитателя размером с дом.

– Будите всех. Мы с Ликой приблизимся к чудовищу. Остальные пусть наблюдают из рубки.

– Виталик, всех буди, – рявкнул Геннадий Петрович.

Из глубин подлодки отозвалось:

– Есть, капитан.

Час спустя Лика облачилась в биоскафандр. Внешне она была спокойна как удав, внутренне – напугана, как кролик, оказавшийся в одной клетке со львом.

– Всё будет хорошо, Лик, – успокоил её Витязь, прочитав тревожные нотки в глазах девушки.

– Выходим, – сухо скомандовал Одинцов, увлекая Анжелику вслед за собой.

Пара бывших любовников бок о бок покинула «Ярину» и направилась к морской твари.

Пульс зашкаливал. Шевелиться в этом скафандре было катастрофически сложно. Страх сковывал мысли Анжелики, но ноги её продолжали передвигаться по дну Охотского моря. Шаг за шагом. Сантиметр за сантиметром.

Путь от «Ярины» занял по меньшей мере пятнадцать минут.

– Мы близко, Лик, будь аккуратна. Нам нужно взять соскоб с тела существа, – скомандовал по внутреннему каналу связи Одинцов. – Необходимо провести тесты ДНК.

Биологи обогнули голову чудовища.

– Как же одинок, должно быть, этот монстр, – отозвалась девушка.

Близость опасности заставила её сказать необдуманную вещь.

Одинцов промолчал. Он обогнул брюшной плавник чудовища и прикоснулся к его телу.

– Что скажешь, Лик, это плащеносная акула?

– Без сомнения, профессор. Все признаки указывают на это.

– Посмотрим, что там намешано в ДНК.

Одинцов вытащил из-за спины аппарат, похожий на жезл, и с усилием приложил его к тёмно-коричневому боку монстра.

Лика в это время продолжала идти вдоль тела создания.

– Боже, Одинцов, иди быстрее сюда! – воскликнула девушка.

Роман спешно приблизился к ней.

– Посмотри!

На боку существа была дверь, на которой на русском и английском было написано «Собственность компании “Заслон” 2023».

– Это оружие! – рявкнул Сергей. – И мы должны его уничтожить.

Уже несколько дней вся команда корабля вела оживлённые споры по поводу судьбы существа.

– Вы не понимаете, это уникальное создание: наполовину живое, наполовину синтетическое. Мы не можем его уничтожить.

– Подорвём тварь, и дело с концом. Правительство предусмотрительно выделило нам пару «игрушек» в дорогу как раз на такой случай, – отозвался Геннадий Петрович.

– Да как вы можете, капитан? Оно живое, пусть и частично. А ещё если там есть дверь, то мы могли бы попробовать войти внутрь, – предложила биолог.

– Безумие! Девчонка безумна! Поехала крыша от отсутствия мужика! – выплюнул с усмешкой Сергей. – Нас с Арлтаном как раз на такой случай и отправили в экспедицию. Правительство подозревало, что нам придётся столкнуться с оружием, произведённым в прошлом веке во времена политической напряжённости.

– Мы не знаем, что ЭТО есть, Серый. Может, подрывать чудовище опасно, – вмешался Белугин. – А вдруг ЭТО можно использовать в интересах государства. Судя по надписи, монстр пролежал на дне почти восемьдесят лет. Пролежал скрытно. Никто его не засёк. Я думаю, это сверхтехнологичная подлодка.

– «Заслон» – много о них слышал. В двадцать первом веке они были новаторами в приборостроении. Эдакой компанией будущего, – перебил капитан.

– Правильным будет вернуться на берег и попросить правопреемников «Заслона» дать отчёт, – предложил Витязь.

– Этой компании уже нет. А все документы наверняка засекречены или того хуже уничтожены, – отрезала Лика. – Раз правительство не в курсе, значит, нам никто разъяснения давать не будет.

Витязь начал активно артикулировать руками.

– Правительство во всём разберётся.

– Но тогда мы точно ничего не узнаем. Вся эта история останется для нас тайной за семью печатями. А сейчас у нас есть возможность раскрыть правду.

Голос Лики дрожал, когда она произносила это. Остаться невозмутимой для неё оказалось слишком сложно.

– Я на стороне Лики. Там есть дверь, и мы должны попасть внутрь, – отрезал Одинцов. – Я проанализировал ДНК твари. В её геноме есть участки от плащеносной акулы и от медузы *Turritopsis Nutricula*. А это значит...

– Что оно бессмертно, – договорила фразу Лика.

Одинцов сухо кивнул.

– Монстр в стазисе. Мы можем войти. Завтра утром к двери отправимся мы с Ликой, Витязь, Сергей и Белугин. С собой возьмём оружие. Мы не знаем, что нас ждёт.

Присутствующие молча разошлись по каютам. Всё было уже сказано. Продолжать разговор стало бессмысленно.

Каждый из них боялся наступления утра, и каждый молился, выхватывая из подсознания обрывки «Отче наш», даже Сергей, слывший ярким атеистом.

Сердце, не стучи так сильно! Ты же сломаешь мне рёбра!

– Лика! Лика! Реагируй, чёрт возьми! – услышала крик в наушниках девушка.

Она попыталась пошевелиться, но тело её было сковано.

– Дверь открылась сама. Ты должна подойти к нам!

Лика забыла, как двигаться.

– Витязь, тащи её ко входу. Мы внутрь, – скомандовал знакомый и по-прежнему любимый голос.

Мгновение прошло или вечность, девушка не знала. Но вот она в пузе чудовища! Стоп! Это не пузо. Лика осмотрелась по сторонам: металлическая обшивка, трубки, датчики, экраны. Дверь с рулевым открыванием впереди. Это шлюзовой отсек подводной лодки!

Внешняя дверь закрылась, и Лика ощутила нахлынувшую на неё волну страха. Начался отвод воды через специальный клапан. Когда насос выкачал всю воду, отворилась внутренняя дверь. Команда вошла на борт.

– Воздух пригоден. Снимаем скафандры! – бросил Одинцов после того, как проверил показатели специальным газоанализатором.

– Я свой не сниму. Мы оставим скафандры здесь, а местные обитатели их заберут. Тогда нам конец, – упёрся Сергей.

– Местные обитатели, возможно, не рады гостям, а ты будешь двигаться в костюме со скоростью тихоходки. Вот тогда точно настанет конец! – выпалила Лика, снимая свой скафандр.

Команда оставила костюмы возле шлюза. Все как один достали пистолеты. Они перемещались по кораблю тихо, незаметно, заглядывая за каждый поворот максимально аккуратно.

Но строение было совершенно пустым.

– Предлагаю разделиться, – пробасил Витязь, когда команда подошла к развилке.

Несколько минут на корабле было тихо, как в саркофаге.

Внезапно в воздухе повис рёв Витязя, дикий, преисполненный ужаса или боли.

Лика вместе с Белугиным кинулась на этот зов. Из правого крыла тоже доносился топот товарищей. Никто уже не пытался скрыть своё присутствие на корабле, ведь член миссии был в опасности.

На светлом блестящем полу посреди довольно просторного по меркам подлодки помещения лежал скорчившись в конвульсии боли Витязь. Из его бедра хлестала кровь.

Лика зажала руками рот, но в глубине её горла всё равно рождался хрип напуганного ребёнка.

Одинцов склонился пополам, словно готовый вырвать.

– У нас есть жгут, – невозмутимым голосом сказал Арлтан.

Сергей так же вёл себя спокойно. Лика впервые по-настоящему обрадовалась, что среди них есть фээсбэшники, люди, которых выбить из колеи не так просто.

Белугин наложил жгут немного выше раны.

– Кто на тебя напал? Мужчина? Женщина?

– Это был юноша, – слабым голосом отозвался Витязь. – Я приблизился к той двери, – мужчина показал рукой в сторону, – а он наскочил на меня с оружием, похожим на электрический нож.

Белугин живо подошёл туда, куда показал раненый. Там, действительно, была дверь, но ни ручки, ни замка на ней не было. Как же попасть внутрь? Мужчина с силой толкнул дверь плечом.

– Закрыто. Но мы её вскроем. Вопрос в другом: как быть с Витязем?

Одинцов наконец-то распрямылся и голосом таким, словно напали на него, промямлил:

– Витязь должен получить помощь в течение двадцати минут, максимум полчаса. Иначе истечёт кровью. У нас есть с собой медикаменты. Но с такой серьёзной раной, – он с долей

брезгливости посмотрел на куски порванной плоти, – потребуется операция. Его нужно доставить на «Ярину».

– Мы не донесём Витязя так быстро. Парень не жилец.

В дальнем коридоре послышались приглушённые шаги.

– Мальчишка, – бросил Арлтан. – Надо с ним разобраться. Сергей, прикрой меня.

Пара фээсбэшников тихо шла по кораблю. Им уже не было так страшно, как в момент проникновения на подлодку. Их двое. У них пистолеты. А враг, очевидно, совсем один. И у него оружие ближнего боя. Проще простого.

Топот. Скрип. Поворот коридора. Это напоминало Белугину охоту на гусей, которая была его любимым занятием, когда он приезжал на историческую родину матери, в Калмыкию. Только вот под прицелом совсем не гусь. Это человек. А может, и нет. Не всё, что лежит на поверхности, оказывается правдой.

Очередная дверь нараспашку. Пистолеты наготове. В конце коридора пытается спастись долговязый русский мальчишка.

– Стой! Я не причиню тебе зла, – говорит уверенным голосом Белугин.

Мальчишка поворачивается к преследователям лицом. Его глаза настолько светлые, почти как у глубоководных рыб. Ему не больше двадцати лет на вид. В одной руке он сжимает окровавленное подобие ножа с лезвием, похожим на удар молнии. Сергей прицеливается.

Тишину подлодки пронзает звук выстрела.

Лица сидела на холодном полу и держала на руках голову Витязя, когда вернулись Сергей и Арлтан.

Из-за их спин к присутствующим вышел мальчишка.

– Кто ты? – выдохнула Лица.

Кожа паренька была белой и практически сливалась с его белоснежным одеянием.

– Я – Свят. И я могу помочь вашему другу.

– Помог уже! Разве можно верить тому, кто напал на Витязя? – процедил Сергей, почесав лысую голову.

– Я же вам поверил несмотря на то, что вы выстрелили в меня.

Мальчишка прикоснулся бледной худой рукой к плечу. Одежда в этом месте была порвана и немного испачкана кровью, но под ней виднелась розоватая здоровая кожа.

Свят под удивлённые взгляды команды склонился над Витязем, потом достал из кармана,вшитого в рукав рубашки, какой-то прибор, напоминавший длинную иглу. Вспышка света заставила Лику зажмуриться. А после она увидела, что рана на бедре Витязя исчезла.

– Кто ты? – снова повторила Лица.

– Я тот, кто живёт здесь, – отозвался Свят.

Его голос был по-мальчишески звонким.

– Почему ты напал на Витязя?

– Он хотел войти туда, куда входить нежелательно.

– Что за дверь? – продолжила диалог Лица. – Оружие массового поражения?

Свят улыбнулся чистой открытой улыбкой.

– Там ДНК всего сущего в этом мире. Этот корабль – хранилище ДНК всех живых существ. Можно назвать его Ноевым ковчегом. Если жизнь на поверхности погибнет, я заселю Землю вновь. Это моя задача. Смысл жизни. Ждать и надеяться, что мне не придётся вмешиваться.

– Это бред! – перебил Сергей. – Там оружие! Я уверен!

Лица бросила на него испепеляющий взгляд, и мужчина сразу замолчал.

– Ты покажешь мне?

Голос девушки был спокоен, как воды озера в безветренный день.

Свят кивнул.

– Только тебе... В твоём лице доброта.

Он приложил руку к двери, а потом прошёл прямо сквозь неё. Лика последовала за ним.

Лика и Свят сидели в кают-компании и не могли наговориться. Остальная команда спала в хвосте «чудовища».

– Расскажи мне ещё раз: как удаётся сохранять ДНК без всяких холодильников? – протянула девушка, она спрашивала об этом уже четыре раза, но не могла не повторить этот вопрос снова: слишком боялась что-то забыть.

– На хранение такого количества биоматериала в холодильниках требуется слишком много энергии. Я же тут получаю электричество только благодаря течениям в верхних слоях моря. Или, проще говоря, выпускаю «поплавок». Это мой вечный двигатель, ведь ветра всегда будут дуть, а воды штормить. Этого мне хватает для биологических нужд, например, на выращивание злаков, овощей и плоти животных. Ты видела, как всё необходимое «созревает» в капсулах клонирования. Также сила моря помогает «жить» моему кораблю. Мой «Посейдон» слишком огромен, чтобы охотиться. Хотя может в крайнем случае перейти и на такой режим.

На корабле хранится ДНК в высушенном состоянии. Технологии «Заслона» позволили исключить разрушение молекул в результате гидролиза и окисления.

На молекулы ДНК могут неблагоприятно повлиять физические и химические факторы. И это неудивительно, ведь молекула очень длинная. Отношение длины к толщине составляет более трёх тысяч. Но «Заслон» решили этот вопрос с помощью поддержания инертной среды вокруг образцов и использования дисахаридов, способных к стеклованию.

В двадцать первом веке обстановка в мире стала беспокойной. Тогда «Заслон» решил создать вечный корабль с вечным двигателем, на котором будет банк ДНК. Но всё сущее разрушается. Металл подвергается коррозии. Даже сверхпрочный графен когда-нибудь превратится в ничто. Но «Посейдон» будет всегда, потому что он живой. Он восстанавливается, регенерирует, ведь в нём геном бессмертной медузы.

А ещё геном *Turritopsis Nutricula* во мне.

Свят взял в руки ладонь Лики и приложил к своей грудной клетке. Девушка ощутила, как под рёбрами бьётся живое человеческое сердце.

– Зачем ты поднял корабль на поверхность?

– Я восемьдесят лет жил во тьме. Я очень хотел увидеть небо, – честно признался мальчишка. – Смотри, я теперь рисую облака.

Он указал на угловую стойку, на которой лежали листы бумаги и мелки. Лика подошла и взяла в руки рисунки. Багровые, салатные, лиловые: облака выглядели так, как будто парили в небесах в волшебной стране.

– Слишком красиво! Не похоже на правду.

– Но так увидел их я. Я всплыл всего лишь на несколько минут и был поражён голубизной небес и искрящейся яркостью солнца. Как же повезло людям наслаждаться всей этой красотой!

Лика перевернула рисунок: на обратной стороне листа была изображена она. Только Свят использовал для этого розовые, зелёные, жёлтые и голубые цвета.

– Твои волосы как закат, глаза как трава, кожа как солнце, – объяснил Свят в ответ на непонимающий взгляд Анжелики.

– Тебе здесь не одиноко? – спросила биолог.

Свят улыбнулся грустной улыбкой.

– Конечно, одиноко. Но я управляю Посейдоном с помощью ментальной энергии и иногда общаюсь с ним. На суше, наверно, никому не бывает одиноко. У вас там чудесный мир, наполненный счастьем и гармонией.

Ли́ка почувствовала в горле острый колющий комок.

– Это не так. Мне одиноко. Я постоянно одна. На работе дослужилась до отдельного кабинета. Раньше хотя бы с коллегами переговаривалась. В машине тоже еду одна. На пассажирском сиденье пусто. Дома тоже никого. А ещё где-то глубоко в душе я уже десять лет люблю человека, который меня обидел и растоптал как специалиста и как женщину. Вот такой у нас «чудесный мир».

– И ты говоришь это тому, кто обречён провести в одиночестве вечность? Одиночество съедает живьём.

Ли́ке нечего было ответить. Впервые за долгие годы она почувствовала, что рядом есть кто-то, способный её понять.

Она потянулась к Святу и коснулась губами его губ.

– Что дальше, Анжелика?

– Дальше мы вернёмся в порт и напишем коллективный рапорт о том, что не смогли отыскать морское чудовище. Такой проект, как этот, проект особого значения, не может стать достоянием гласности. Вся команда согласилась. Даже Одинцов, человек, обожающий славу и почести.

– Человек, обидевший тебя?

Ли́ка кивнула.

– А потом? Когда вокруг будут тысячи людей, ты забудешь обо мне?

Ли́ка провела по волосам вечною мальчишки.

– После я вернусь к тебе на глубину, чтобы больше никогда не быть одинокой.

Гармония

Ноябрьское утро выдалось дождливым, что, впрочем, неудивительно для последнего месяца южной осени. Ростов был погружён в серую дымку, нагоняющую тоску. Большинство людей в этот ранний час проклинали небеса за то, что в такой ненастный день им пришлось выбраться из нежных объятий одеяла и тащиться на работу. Однако великолепное настроение Виноградова Вадима не мог испортить ни снег, ни зной... ну дальше вы, конечно же, знаете. Наш герой жевал свою овсянку с орешками, сваренную на воде. Вроде бы он каждое утро ел такую, но внезапно каша показалась ему безумно вкусной.

– Дорогая, даже мой завтрак сегодня просто объедение! Всё потому, что я в одном шаге от осуществления мечты всей моей жизни, – промышчал он, плотно набив рот едой.

Его жена Даша смахнула с лица непослушную прядь светлых волос. На её по-детски миловидном лице появилась морщинка, наполненная тревогой.

– Твои мечты тут совершенно ни при чём. Я положила в чёртову кашу три ложки сахара, – буркнула она.

– Сахар?! – практически взревел Вадим. – Да как ты могла? – добавил он уже спокойным голосом, продолжая поглощать ложку за ложкой. – Нет, всё-таки просто божественно вкусно! Делаешь всё, чтобы я не полетел на Гармонию?

Даша кивнула. Села на колени к любимому и поцеловала в лоб.

– Ты же знаешь, что от пары граммов сахара ничего не поменяется? – начал объяснять жене Вадим с видом, каким родители рассказывают годовалому несмышлёнышу, какое колечко в пирамидке красное, а какое зелёное. – Я в прекрасной форме. Я летал на орбиту трижды. Один раз был на Луне. У меня степень кандидата по биологии и филологии. Год напряженной подготовки в тестовой группе за плечами. Кто подойдёт для первого контакта с внеземной цивилизацией лучше, чем я?

– А кто подойдёт для первого контакта с нашей крошкой лучше тебя? – перебила супруга Даша, положив его руку на свой округлившийся живот.

– Жёны моих друзей вечно ноют, что им не хватает внимания. Дорогая, это всего лишь двадцать лет. Не успеешь соскучиться, а я уже тут.

Даша прыснула. А глава семьи продолжил:

– Представь, тебе сорок с хвостиком, и тут возвращаюсь я, любовь всей твоей жизни, герой Земли. Ну ты, конечно, ждёшь меня всё это время, налево-направо не смотришь. Никому ведь со мной не сравниться. А я ещё к тому же моложе тебя буду. Скорость света и всё такое. Круто, да?

Даша сморщила носик.

– А теперь представь, дорогой, как наша Галечка спрашивает меня: «Где папа? Почему его нет рядом? Почему не живёт с нами? Почему не приходит на утренники в детский сад?» А я ей говорю: «Милая, просто папа не любил выносить мусор и знал, что на этой планете я его везде достану со своими каждодневными просьбами. Вот он и свалил на Гармонию подальше от нас».

Супруги потянулись друг к другу и соприкоснулись кончиками носа.

– Ты знала, Даш, за кого выходила замуж. Я – космонавт. Лучший из лучших. Я всю жизнь мечтал увидеть инопланетян. А теперь у меня есть шанс полететь к ним в гости, в их прекрасный непознанный, немислимый мир. Разве это ни замечательно?

– Одно дело полугодовые командировки на орбиту, другое – долгие годы порознь... – с нескрываемой горечью изрекла женщина. – Где вообще гарантия, что на Гармонии тебя примут с распростёртыми объятиями? Вдруг ты окажешься в совершенно невыносимых условиях совсем один? Вдруг они убьют тебя, сожрут и не подавятся даже?

– Мы уже полвека переписываемся с гармонийцами через чёрную дыру. И вот наши друзья пригласили нас.

– За полвека земляне смогли отправить только одно письмо и получить два в ответ. Переписка – это сильно сказано! Ну-ка процитируй весь текст приглашения.

– «Ждём вас на Гармонии».

– Тебе не кажется, Вадик, что это как-то маловато. – Вадим начал интенсивно качать головой. – Неужели у ваших друзей такой скудный лексикон. Могли бы рассказать о себе хоть что-то.

Астронавт сощурил тёмные, жаждущие приключений, глаза и нежно помог жене подняться с его колен. А потом быстро прошёл в коридор, обулся и накинул стильное кашемировое пальто.

– Часы тикают. Пора осуществлять свои мечты! – в дверях бросил он жене.

– Хоть бы вместо тебя выбрали Сергеенко! – выпалила Дарья за секунду до того, как входная дверь захлопнулась.

«Пора осуществлять свои мечты!» – повторил про себя Вадим. Он потихоньку начинал клевать носом. Ожидание чересчур затянулось. Веки наполнялись свинцом. Не нужно было так поздно ложиться спать накануне. Космонавт-мечтатель посмотрел на своего соперника, Андрея Сергеенко: дыхание спокойное, лоб расправлен, плечи опущены – уверенный, чертяка, не нервничает совсем. Разговаривать, пока конкуренты ждали окончательного решения комиссии, было совсем не обязательно, но Вадим всё же сказал:

– Андрон, а ты спокоен...

Андрей немного поднял бровь. Хотя во время совместных тренировок все в группе называли его Андроном, фамильярности в нынешних обстоятельствах он счёл неуместными.

– Я спокоен, потому что выберут меня.

Вадим опешил.

– С чего ты взял?

– Я больше раз был на орбите и ещё кроме биологии и филологии, я изучал социологию.

– Да кому она нужна твоя социология? – пробурчал себе под нос раздосадованный Вадим.

Он знал, что ко всему прочему его соперник на несколько лет моложе, что также будет ему плюсом.

Тишина аскетичного коридора космодрома наполнила уши звоном.

– Зачем ты хочешь лететь? – внезапно спросил Сергеенко.

– Как зачем?

– Зачем тебе на Гармонию? У тебя семья. Скоро будет ребёнок.

Лицо Вадима, смуглое от природы, начало краснеть. Что за глупые вопросы задаёт этот олух?

– Ну ты-то на Гармонию собрался. А мне, значит, не за чем?

– Я – другое дело, – протянул конкурент нараспев. – Я совсем один. Для меня космос – мой дом. Бьюсь об заклад, ты, Вадик, ближе к концу орбитальной командировки мечтаешь оказаться в объятиях супруги. Так? – Вадим потупил взгляд и не ответил ни словом, ни жестом. – А я мечтаю задержаться на станции подольше. Мне некуда возвращаться. Моя жизнь – это моя работа. Я готов трудиться на Гармонии и днём и ночью, не покладая рук, во имя общей цели. Я шёл к этому всю свою жизнь и не подведу землян, потому что я горю своей работой каждую секунду каждого дня.

Заветные двери распахнулись. Девушка-секретарь нарочито важным тоном пригласила кандидатов войти. За длинным столом сидело человек десять – двенадцать. Напротив стояла пара стульев для космонавтов. Соперники заняли свои места и напрягли все мускулы. Сейчас

решится их судьба: один из них станет легендой, другой – отойдёт в сторону, спрятав свои амбиции в заветный сундучок на верхнюю полку шкафа.

– Буду краток, – начал глава Роскосмоса, имя которого Вадим, к своему стыду, забыл. – Мы готовы впервые в истории проложить путь на другую планету и познакомиться с её жителями. Наш космодром «Ворота Кавказа» – единственное место на Земле, где возможен запуск космических кораблей, способных развивать скорость близкую к скорости света. Хоть технология и нова, наши испытания на животных прошли успешно. Пришло время отправить в полёт человека. Риск есть. И большой. Путешествие к чёрной дыре, открывающей проход в галактику Фейерверк, займёт семь лет. На Гармонии предстоит пробыть пять земных лет. Миссия включает: изучение местного языка с последующим составлением набросков словаря, описание традиций, уклада жизни, системы общественного строя, флоры и фауны планеты, обмен технологическим опытом и так далее. Мы не знаем, подходит ли чужая атмосфера для людей, поэтому запаса кислорода на корабле хватит на всё время путешествия и пребывания на планете, но только на одного человека. Итак, на Гармонию полетит Андрей Сергеенко. Мои поздравления.

Всё внутри Вадима на миг похолодело и тут же воспламенилось, и вдруг, неожиданно для самого себя, он подскочил со стула и заговорил громко и страстно. Слова рождались в глубине его души, они как выстрел молниеносно вылетали из его горла:

– Моя жизнь – это моя работа. Я готов трудиться на Гармонии и днём и ночью, не покладая рук, во имя общей цели. Я шёл к этому всю свою жизнь и не подведу землян, потому что я горю своей работой каждую секунду каждого дня.

Только договорив, Виноградов понял, что повторил слово в слово то, что сказал ему в коридоре Сергеенко.

– Похвально, – протянул глава Роскосмоса. – Андрей, а почему на Гармонию хотите полететь вы?

Глаза Сергеенко стали круглыми. Кажется, он был в таком ступоре, что не мог даже звука издать. Андрей знал, что в этом мире можно украсть что угодно: сумку, деньги, телефон... но слова... слова... какая же это подлость!

– Вы молчите, господин Сергеенко, а мой голос был решающим в вашу пользу, – разочарованно пробасил руководитель космической корпорации. – Что ж, я меняю свой голос. Мои поздравления господину Виноградову.

Вадим пристегнул себя к кровати ремнями и закрыл тяжёлые веки. Он потерял счёт времени на корабле, но молился лишь об одном: быстрее прилететь на Гармонию. Страх смерти, заставляющий многих представителей рода человеческого трепетать, совсем не мучил космонавта. Нет, раньше, он боялся боли, конца, забвения. Теперь его пугали лишь дни, проведённые на корабле в одиночестве.

Космонавт не ощущал, что двигается к своей мечте. Может, потому что в иллюминаторах видел только беспросветную тьму вместо привычного ему размеренного околоземного пространства. А чего он ожидал на такой скорости? Увидеть летающую тарелку с машущими ему гуманоидами? Он ведь всё знал заранее. Его готовили к полёту, команда учёных-теоретиков объясняла, что его ждёт в пути. Но когда цветные полосы от звёзд превратились в беспросветное ничто, внутри, в глубине грудной клетки, появился комок, не позволявший расслабиться измученному астронавту ни на миг. А тело...тело... оно было невыносимо тяжёлым, словно весило тонну. Каждое движение давалось Вадиму через преодоление себя: руки и ноги совсем не слушались. Вскоре он практически полностью отказался от движения и пищи. Ну почему эти светила науки не смогли додуматься, как погрузить человека в гибернацию? Почему совершенно пусто на душе? И Даша так далеко...

Но это не продлится вечно. На Гармонии Вадим наконец обретёт внутренний покой. Открывать новые миры – это то, для чего он был рождён. Всё так, как должно быть. Всё правильно. Тогда почему мысли о жене и дочери заставляют его пульс зашкаливать?

И вдруг «ничто» отступило, сменившись вспышкой света. Это пламя было настолько ярким, что Вадим ощущал его, хотя веки по-прежнему были плотно сомкнуты. Свет одновременно терзал и ласкал его измученное пустотой тело. «Чёрная дыра», – прошептал Вадим, но не услышал своего голоса.

Свет и тьма – две противоположности и одновременно две части единого – отступили. На смену пришла комфортная полутьма.

Вадим услышал стрекотание цикад. Вот Даша держит его за руку. Её ладонь немного прохладнее, чем у него. Это необычайно приятно в такую жару. Лёгкий, почти неуловимый ветерок заставляет листья кривого неказистого деревца, выросшего прямо среди безжизненных камней пляжа, подрагивать. Звук прибора сводит надоедливые беспокойные мысли о будущем на нет. Все тревоги превращаются в россыпь бисера, которую легко швырнуть в прохладную синюю пучину. На губах соль от брызг...

О боже, о чём он думает? Это же не цокот насекомых. Это речь! И Вадим способен её понять!

– Это не тот. Я говорю тебе точно! Я лично «заглядывал» в смежную реальность.

Шипение.

– Это не тот! Стой, он нас слышит и, кажется, уже понимает...

Существ было двое. Это Вадим точно знал, хотя видеть их чётко не мог. Он словно был в очках с сильными рассеивающими линзами, при том, что зрение у него было стопроцентным.

Как они выглядели, спросите вы? Две руки, две ноги, тело прикрыто подобием земной одежды. Похоже на людей, не правда ли? Но пропорции существенно отличались от земных, делая этих существ странными и необычными. Руки длинные, почти до пола. Ноги, наоборот, коротенькие, как у таксы. Голова словно хаотично нарисованная сложная фигура земного художника-абстракциониста.

Тот, что повыше, видимо, был главным. Он развёл руки в приветственном жесте и заговорил:

– Мы ждали дня, когда сможем увидеть человека, жителя совсем другой планеты. Хотя мы и обладаем более совершенными кораблями, чем тот, на котором прилетел ты, путь через чёрную дыру гармонийцам не под силу перенести. Но ты выдержал, друг. И мы рады тебя видеть. Рады узнать, что вселенную населяют разные формы жизни, пусть и такие экзотичные, как вы, люди.

– Приветствую вас. Мой корабль уцелел? – застрекотал в ответ землянин, поражённый мгновенным освоением чужого языка.

– Корабль цел, – подтвердил низкий.

Вадим прикоснулся к лицу – он был в скафандре!

– Наша атмосфера не совсем подходит для вашего вида, – продолжил высокий, словно прочитав мысли гостя. – Но в будущем мы сможем освоить очистку нашего воздуха для гостей с Земли.

– В будущем? – повторил землянин, словно бестолковый дурашливый попугай.

– Да, господин Вадим, мы можем видеть будущее, – подтвердил главный. – Вы называете это предвидением, если я правильно разобрался в тонкостях вашего языка. Но горизонт предсказаний невелик: шестнадцать наших лет или около тридцати земных.

– Потрясающе! – воскликнул Вадим. – Моя жена о таком даже подумать не могла! Вот бы рассказать ей!

– Жена? – переспросил низкий, скрестив ручищи в области живота.

– Это земная форма семейных уз, – пояснил долговязый, а потом продолжил, обращаясь к Вадиму. – Наше счастье от визита гостя с Земли велико, но вы не можете остаться на Гармонии. Мы ждали другого.

– Кого?! – выпалил космонавт. Он был так обескуражен, что с трудом сохранял спокойствие.

– Другого... Вашего коллегу. Ан... Анд...

– Андрея? – не понимающе прострекотал астронавт.

Всё вокруг начало ему напоминать страшный сон. Наваждение. Он не жалел себя, готовясь к полёту: тренировки, диета, занятия и семинары, ранние подъёмы, переработки. Не позволял себе слабости и лени. Терпел одиночество, разлуку с близкими, чтобы оказаться в миллионе световых лет, в галактике Фейерверк. А тут ему совсем не рады. Дарья предполагала, что инопланетяне могут убить мужа и съесть, но оказывается всё обстоит ещё хуже: они мечтают увидеть вместо Вадима его соперника.

– Да, мы ждали Андрея, – подтвердил главный, переминаясь с ножки на ножку.

– Но почему?

– Мы подсмотрели в самой близкой к нам Вселенной, в смежной реальности, что к ним прибыл другой гость. Про вас, господин Виноградов, нам уже всё понятно. Мы просчитали все возможные варианты. Не думаем, что от нашего сотрудничества будет толк.

Вадим почувствовал, как теряет равновесие, будто землю выбили из-под его ног.

– Но почему? – прошептал он еле уловимо, осев на бесцветный серый пол.

– Ваша жена, – пояснил низкий, – несколько часов в день вы будете посвящать мыслям о ней. Даже сейчас, попав на чужую планету, первое, что ты спросил, человек, цел ли корабль, чтобы быть уверенным, что сможешь вернуться домой. Тот, другой, будет работать усерднее. Мы знаем.

– Я не полечу назад! У меня есть миссия! Я космонавт, исследователь! Я завоюю ваше доверие! – закричал в отчаянии Вадим.

– Сначала, человек, узри это, – процокал высокий и направил скрещённые руки в сторону астронавта.

Землянин ощутил энергию, наполняющую каждую клетку. Он словно лежал на воде на спине, покачиваясь слегка из стороны в сторону. А потом он увидел её, свою маленькую Галечку на руках жены. Вот дочка плачет, потому что её мучают колики. Крик такой сильный. Девочка безутешна. Но боль отступает, и ребёнок впервые улыбается, глядя в любящие мамины глаза. Вот после нескольких бессонных ночей, сразу два первых зуба вылезло. Какие же они симпатичные и смешные! Первый шаг, робкий, неуклюжий. Первое слово. Первый стишок: несколько строк, рассказанных с важным видом, стоя на стуле перед толпой родственников на праздновании Нового года. Первая разбитая коленка. Царапина – а сколько крови – целый океан! Не плачет совсем, только губу поджала. Боец! Вся в папу. Первая двойка. Идёт к маме с дневником, коленки трясутся. Первая любовь, тайная, наполненная смущением собственных чувств. Первое признание. Первое разочарование. Страх быть отверженной и никем не любимой. Настоящая дружба. Радость. Смех. Поиск собственного пути. В этой маленькой жизни есть вся Вселенная. Начало начал. Видеть, как твой ребёнок растёт – истинный дар. Дар, от которого Вадим отказался сам.

Плечи космонавта, героя Земли, разбила дрожь. Что он наделал? Что он наделал?!

– Как быть? – прошептал Вадим сквозь рыдания.

– Я отправлю тебя в твой мир. В тот момент, как всё пошло не по нашему плану, – утешил долговязый, по-отечески обняв гостя. – Ты снова окажешься перед выбором. Надеюсь, то, что я тебе показал, поможет принять правильное решение для всех нас. О, люди, ваша жизнь так коротка... Ты хочешь получить второй шанс?

– Это возможно?

– Для нас – да. Мы способны поместить твоё обновлённое сознание в бывшее тело. Ни расстояние, ни силы природы нам в этом не помеха. Что ты скажешь, гость, хочешь ли ты исследовать Гармонию или желаешь увидеть жену и дочь?

– Я хочу вернуться домой, – прошептал Вадим.

Суетный день медленно перетекал в ленивый вечер. Даша протирала кухонный стол уже в пятый раз. Ну, где же Вадим? Где? Какое решение приняла проклятая комиссия? Неужели она потеряет любимого человека на долгие годы?

Женщина услышала звуки на лестничной площадке и кинулась в коридор со скоростью, которой мог бы позавидовать даже ягуар, не то что беременная женщина на восьмом месяце.

Дверь распахнулась.

– Ну что, дорогой? Что? – выпалила Даша, глядя на мужа умоляющими глазами.

– В путешествие отправится Сергеенко. А моя гармония – быть рядом с тобой и дочкой, – умиротворённо промурлыкал Виноградов, повесив кашемировое пальто на крючок.

Белоснежка

Кирилл уже несколько часов бродил по весеннему городу, чистому и свежему после дождя. Но мужчина не смотрел ни на здания, ни на машины, ни на яркие клумбы с сочной зеленью. Всё его внимание было сосредоточено на людях, которые были вокруг. Неподалёку, уставившись немигающим взглядом на витрину магазина одежды, стояла блондинка в пёстрых велосипедках. Вокруг её стройных ног мельтешил маленький смешной шпиц. Кирилл уставился на девушку: высокая, статная, яркая. Но это всё снаружи. А что у неё внутри? Мимо прошёл мужчина, в строгом костюме, прижимающий к груди сумку для ноутбука как нечто самое ценное в его жизни. Его лицо покраснело от быстрой ходьбы, на правой руке были еле заметные разноцветные пятна, кажется, следы от фломастеров. Наверно, накануне весь вечер рисовал вместе со своим малышом или малышкой. Мужчина увидел красотку и остановился неподалёку, рассматривая её стройные ножки. Зачем ему это, если у него есть семья? Или вот... парочка школьников-подростков, сидящих на лавочке. Такие забавные, одетые в похожие красные клетчатые рубашки. Такие милые, погружённые в свои первые робкие чувства. Кирилл замер на мгновение, наблюдая за детьми. Мальчик протянул подруге один из наушников и убрал с её лица прядку волос. Девочка вставила наушник в ухо и приобняла мальчишку за плечи. Интересно, эти люди хорошие?

Кирилл вздохнул, достал из сумки очки в роговой оправе с прозрачными стёклами и надел их. Красотка с собачкой, мужчина с ноутбуком, парочка подростков – все окрасились в серый цвет. Серые лица выглядели уже не так позитивно и приветливо, серые волосы стирали всякую индивидуальность, серая одежда смотрелась тускло и уныло. Кирилл разочарованно отвернулся в сторону. Везде одна серость! Кто-то, конечно, светлее, а кто-то совсем тёмный. Но основная масса одинакового мышинного цвета. Он уже собирался снять очки, как вдруг увидел нечто, заставившее его, обычно спокойного и рассудительного, ощутить вращение Земли.

Это была девушка, белая, как снег, выпавший в ночь перед Рождеством. Она была белее кудрявых облаков, неспешно плывущих по высокому небосводу. Белее ваты, которую мать с нежностью прикладывает к разбитой коленке своего годовалого малыша. Белая кожа источала свет. Белые волосы струились и ловили солнечные блики. Белое тонкое платье облегло хрупкую фигуру. С подола платья свисали белоснежные ленточки, развивающиеся на ветру. Девушка была так прекрасна, что Кирилл почувствовал, как у него дрожат коленки.

Мужчина не мог поверить в увиденное. Он сделал несколько шагов навстречу прекрасному созданию, протянул руку и бесцеремонно схватил белоснежное запястье.

– Боже, вы просто Белоснежка, – тихо прошептал он, почувствовав, как теряет сознание.

Очнувшись, мужчина обнаружил, что лежит на скамейке, а над ним склонилась не приметная юная особа с острым птичьим лицом и тугим пучком русых волос.

Кирилл уставился на неё с непониманием.

– Вы упали в обморок, – прошептала девушка. – Я оттащила вас с дороги и собиралась уже вызывать скорую. Как вы себя чувствуете? Вам нужна помощь?

Кирилл покачал головой, а потом ощупал своё лицо. Очки пропали.

– О, ваши очки. Они свалились на асфальт. Я подобрала их, они у меня в сумке.

Кирилл поднял брови.

– Так отдайте их мне!

Девушка интенсивно закивала головой и подала мужчине очки. Кирилл моментально надел их. Перед ним опять была прекрасная Белоснежка. Она встревоженно смотрела на него и сжимала рукой свой телефон, готовая в любую секунду вызвать врачей.

– Так это вы, – проронил Кирилл и залился краской. – Какая же вы красивая!

Девушка засмеялась, и смех её показался Кириллу мелодичнее звуков флейты.

– Красивая? Кажется, вы сильно ударились головой. Думаю, необходимо обратиться в больницу.

– Мне не нужно в больницу. Со мной всё нормально. Просто я никогда не видел таких прекрасных людей. У вас есть время со мной немного пообщаться? Может быть, мы посидим в кафе. Я просто хочу поговорить с вами.

Улыбка испарилась с белоснежного лица.

– Извините, это будет чрезмерно. Я замужем, – отрезала девушка, а потом зажгла экран мобильного и с ужасом посмотрела на часы. – Я очень спешу. Простите.

– Оставьте мне, пожалуйста, свой номер, – робко попросил Кирилл.

– Зачем?

– Вдруг мне опять станет плохо. Я живу совсем один. Некому будет даже принести мне из аптеки лекарства.

Девушка назвала одиннадцать цифр, проконтролировала, чтобы Кирилл всё верно записал, потом кивнула и направилась в сторону автобусной остановки.

– Как вас зовут? – крикнул Кирилл ей вслед.

– Надя, – отозвалась Белоснежка.

Кирилл снял очки и долго наблюдал, как тощая субтильная фигурка в блёклой мешковатой одежде удаляется быстрым шагом.

Всю ночь Кирилл не мог заснуть. Он думал о науке и о бытии, о своём изобретении (очках, позволяющих увидеть суть человека, его ауру) и о тысячах серых людей, бредущих по городу в поисках смысла жизни. Но больше всего мысли Кирилла занимала Надя. Он раз за разом прокручивал в голове встречу с ней. Никогда раньше мужчина не был столь сильно взволнован. Взволнован как мальчишка. Разве это допустимо для взрослого человека, серьёзного учёного? Кирилл сомкнул веки и снова прокрутил в памяти, как белоснежные локоны развеваются на ветру. «Нет, это всего лишь научный интерес», – утешил он себя, а потом представил, как касается этих восхитительных, почти прозрачных волос.

Кирилл ждал, когда же наступит утро также сильно, как человек, разлучённый с близкими на долгие годы, желает увидеть родные лица. Вот рассвет. На часах половина пятого. Надя, наверно, ещё сладко безмятежно спит. Именно так должен спать такой чистый светлый человек. Семь утра. Кирилл набрал сообщение для Нади, а потом спешно стёр текст. Писать так рано малознакомому человеку – просто какое-то безумие. Учёный начал нервно расхаживать по комнате. Время, почему ты так медленно течёшь? Кирилл подошёл к окну и уставился на автобусную остановку. Возможно, Надя уже вышла из дома и спешит на работу. Вот бы оказаться сейчас рядом с ней. Вот бы узнать о ней что-то. Восемь часов. Терпения уже совсем не осталось. Может, позвонить ей? Просто сказать «привет», и будь что будет. И вот, наконец, вожденная девятка на смартфоне.

Кирилл прочистил горло. Нет, звонок был бы неуместен. Вместо этого он набрал: «Здравствуйте, Надя», – и долго смотрел на результат своего труда. Наверно, стоит написать «Здравствуйте, Надежда»? Учёный поразмыслил несколько минут и всё же решил остановиться на первом варианте.

– Спасибо большое, что помогли вчера, когда мне стало плохо на улице, – продолжил вбивать текст учёный.

Пожалуй, хватит для первого сообщения. Учёный нажал отправить и тут же начал корить себя, что не написал что-нибудь поинтереснее.

Стоп! Что за пустые переживания. Цель Кирилла – убедить эту Надю пообщаться с ним. Он должен узнать, как это возможно, что аура взрослой женщины остаётся такой чистой, незапятнанной? Как можно жить в нашем мире и не быть грязно-серого цвета?

Через несколько минут пришёл ответ, заставивший мужчину нервничать словно студента, вытащившего на экзамене самый сложный билет:

– Здравствуйте, не за что. Мне было несложно помочь. С вами сейчас всё хорошо? Я переживала, что не записала ваш номер. Надо было позвонить вам и убедиться, что вы нормально себя чувствуете.

– Со мной всё хорошо. Благодарю, – Кирилл глубоко вздохнул, чтобы найти в себе силы написать следующую фразу. – Я хотел бы встретиться с вами, Надя, и поблагодарить за то, что вы мне помогли.

– В этом нет необходимости. Не болейте, – написала Белоснежка в ответ.

Разговор был окончен. Ничего не оставалось, кроме как отправить Надежде улыбающийся смайлик. Но учёный не хотел сдаваться так просто.

– Вы, наверно, работаете недалеко от места, где мне стало плохо? – спросил он.

Но Надя не спешила отвечать, и мужчина начал нервно сжимать одной ладонью другую.

– Я преподаю в университете неподалёку. А почему вы интересуетесь? – зажёгся текст на экране смартфона.

– Просто переживал, что вы из-за меня опоздали на важную встречу, ведь вы так спешили.

– Всё нормально. Удачи вам! – прочитал Кирилл, а потом снова нырнул с головой в мысли о сером мире, в котором живёт такая непорочная Белоснежка.

Несколько недель Кирилл почти не работал. Эксперимент с детьми занимал его едва ли. Учёный фиксировал показатели, но делал это на автомате, без души. И всё же он был рад, что детский садик номер пятьдесят два разрешил ему проводить исследования на своей территории. А ещё было просто прекрасно, что многие родители за довольно скромную плату согласились на участие своих детей в эксперименте.

Учёный надел очки, внимательно осмотрел кишаших в игровой малышкой и попросил двух испытуемых пройти в отдельную комнату. Это были тоненький, как саженец клёна, мальчишка лет трёх и кудрявая рослая девчонка (видимо, чуть старше). Оба были белыми, безгрешными. Следом за детьми проследовали и их мамочки. Кирилл достал из шкафа игрушку (плюшевого медвежонка с голубым бантиком на шее) и протянул девчонке. Та запрыгала от счастья и робко пискнула: «Спасибо!» Аура мальчика при этом сразу окрасилась серым, а его лицо стало неподдельно печальным. Вот как выглядит зависть! Учёный зафиксировал результат по цветовой шкале. А через пару мгновений отнял игрушку у девочки и протянул новому хозяину. Девочка громко заплакала, а её мать подбежала к своему чаду и бросила на учёного испепеляющий взгляд. Мужчина проигнорировал недовольство мамочки (сама захотела, чтобы её дочка участвовала в эксперименте; науке бывает не по пути с моралью), а потом посмотрел внимательно на ауру малышки. Серые пятна на фоне белоснежной кожи смотрелись как уродливые бородавки. Вот так выглядит гнев.

Даже маленькие дети завидуют и злятся. Почему тогда Белоснежка так чиста? Кирилл опять поймал себя на мысли о Наде и проверил свой мобильный телефон. Никаких сообщений от девушки не было. А с чего бы ей было писать? Она живёт себе и не вспоминает о нём. Он всего лишь незначительный эпизод в её книге жизни.

Но всё же... в чём причина такой чистоты Нади? Неужели она действительно не грешит? Или, может быть, каким-то фантастическим образом очки не способны показать Надино нутро? Нет, с этим необходимо разобраться. И сделать это срочно. До того, как Кирилл начнёт патентовать своё изобретение.

Кирилл достал из шкафа ещё одного медвежонка и дал его малышке. Девочка моментально успокоилась. Нельзя было допустить, чтобы родители начали разрывать контракты с учёным (не говоря уже о риске обращения кого-то из мамочек в полицию).

Мужчина кивнул в знак того, что на сегодня всё закончено и зафиксировал время: важно было узнать, как быстро детишки побелеют. А потом попрощался и вышел из здания детского сада.

Он вбил в поисковой строке своего телефона название университета, в котором по его предположению работала Надя, и перешёл на вкладку «Наши преподаватели». Найти Белоснежку не составило особого труда. На сайте в разделе «факультет философии» была её фотография. «Надежда Скрипченко», – прочитал Кирилл вслух.

И тут он понял, что очень хочет снова увидеться с Надеей.

Учёный сел в свой автомобиль и направился прямо к зданию университета. Всего полчаса спустя он уже сидел на лавочке рядом с главным входом в вуз. Серые фигуры мелькали вокруг него. Компания серых юнцов курила и громко смеялась поблизости. Кирилл почувствовал, как его немного нервирует смех молодых людей. Интересно, какого цвета стала его собственная аура в этот момент?

Он терпеливо ждал. Хороший учёный должен уметь ждать.

Когда появилась Надя, сердце мужчины сдавило цепи. Профессор философии своей лёгкой походкой проплыла мимо учёного.

– Надя! – крикнул ей вслед Кирилл.

Девушка оглянулась и непонимающе уставилась на него.

– Надя, я рад вас снова видеть. Вы помните меня?

Белоснежная голова наклонилась немного вбок.

– Конечно. Опять мы с вами случайно встретились. Это неожиданно.

Кирилл закусил губу. Такая наивная...

– Мы встретились неслучайно. Мне очень нужна ваша помощь.

Белоснежная тонкая рука одёрнула белое платье.

– Конечно, я помогу вам. Что случилось?

Кирилл осмотрелся по сторонам. В такой толпе говорить о своём изобретении совсем не хотелось. Но Надя наверняка откажется пойти с незнакомцем куда-либо. С таким человеком могла сработать только одна тактика: говорить правду и ничего, кроме правды.

– Я учёный, Надя, и я изобрёл очки, сканер ауры, позволяющие увидеть суть человека. Все взрослые люди, стоит мне воспользоваться своим изобретением, окрашиваются в серый цвет разной насыщенности. Все, кроме вас. Я хочу попытаться понять почему.

Надежда посмотрела на Кирилла так внимательно, будто была способна разглядеть сущность учёного без всяких очков.

– Вы говорите странные вещи. Разве можно увидеть внутреннее содержание человека? Мне кажется, что люди настолько сложны и неоднозначны, что их суть постичь совершенно невозможно. Знаете, сотни философов писали трактаты на эту тему, спорили друг с другом. Но вопрос открыт и по сей день. Открыт, потому что на него невозможно ответить.

– А я вот смог, Надя. Мы живём в сером мире.

– Что тогда значит этот цвет?

– О, этот цвет – цвет греха. А так как грешат все в большей или меньшей степени, то их аура становится серой.

Надя глубоко вздохнула и села на скамейку рядом.

– И какого цвета тогда я?

Кирилл сглотнул слюну.

– Надя, такую белую ауру, как у вас, я видел только у маленьких детей.

Девушка рассмеялась.

– Думаю, вам снова плохо. Ваша история про то, как вы можете видеть суть других людей, немного безумна.

Учёный на мгновение прикоснулся к белоснежной кисти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.